

УДК 930.85:[82-155+82-9] (История цивилизации. История культуры. Эпистолы. Послания. Прочие литературные жанры)

ПОСЛАНИЯ «НА НОВЫЙ ГОД» ПОЭТА-ДУХОВИДЦА С.С. БОБРОВА

© 2018 А.В. Петров, Е.Г. Постникова

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник института антропологии и филологии. E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
Магнитогорск, Россия

Статья поступила в редакцию 22.01.2018

В статье рассматривается поэтика и идейное содержание девяти стихотворных посланий «на Новый год», написанных одним из крупнейших русских поэтов-предромантиков С.С. Бобровым в период с 1789 по 1804 гг. Адресатами посланий являются монарх, покровитель / меценат, друг, «сподвижник», возлюбленная / «пастушка». От адресации послания во многом зависит степень условности поэтической образности, при этом настроения поэта в преддверии Нового года довольно устойчивы и сама «идея» праздника новолетия для него неизменна. Бобров с трудом умеет находить в жизни светлые стороны, он постоянно находится в ожидании смерти, которую в христианско-масонском духе воспринимает как переход к жизни вечной. По сравнению со своими предшественниками и современниками (а новогодние стихи в XVIII в. создали почти все известные поэты – всего не менее тридцати пяти авторов), Бобров вносит в тему Времени / смены лет мотивы таинственного, страшного и рокового. Рисуя образ Старого года, поэт совмещает в нем черты архаических, ужасающих своим внешним видом, деяниями и атрибутами божеств и / или сверхъестественных существ – Сатурна, Смерти, Времени / Хроноса, Судьбы. Духовному зрению Боброва открывается самое движение / полет Времени – сакральное действие, происходящее в некоем космическом, потустороннем пространстве. Вечность представляется ему бездной либо кладбищем веков. Его видения пронизаны предчувствием несчастья и смерти. Необратимости потока Времени и неизбежности Смерти поэт противопоставляет надежду на снисходительность Высших сил и веру в свою избранность. В целом художественную индивидуальность Боброва можно определить как «поэт-духовидец». В лице Боброва русская литература обретает недостающее звено между «метафизическими» поэтами эпохи классицизма (В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.Н. Радищев) и «метафизическими» поэтами эпохи романтизма (В.К. Кюхельбекер, Ф.Н. Глинка, Е.А. Боратынский, Ф.И. Тютчев).
Ключевые слова: С.С. Бобров, новогодняя (эоническая) поэзия, метафизическая поэзия, жанр послания, предромантизм, визионерство.

Не менее тридцати пяти русских поэтов написали в период с 1700 по 1800 гг. около ста стихотворений «на Новый год» [см.: 1; 2; 3]. Практически все известные стихотворцы XVIII в. обращались к теме новолетия / новостолетия, но особое значение придавал феномену смены лет, судя по числу написанных им эонических¹ текстов и по устойчивости повторяющихся в них мотивов, поэт-мистик, поэт-духовидец *Семён Сергеевич Бобров* (1765–1810). С 1789 по 1804 г. он создал десять стихотворений «на Новый год» и четыре – «на новый век» – больше, чем кто-либо другой в XVIII–XIX вв. Большинству этих произведений

поэт придавал форму послания либо близкого к нему К-обращения. Именно эти жанры узурпировали в поэзии рубежа XVIII–XIX вв. тему новолетия.

В 4-частном собрании своих сочинений «Рассвет полночи...» (1804) Бобров расположил новогодние стихотворения следующим образом:

Часть 2-я «Браноносные и миролюбивые гении России, или Герои Севера в лаврах и пальмах» открывалась посланием «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига» [4, Ч.2, с.1–4]. В этой же части среди стихов, посвященных друзьям и покровителям, помещена небольшая новогодняя «диалогия»: поздравительное светское послание жене адмирала Н.С. Мордвинова «К покровительнице общаго благороднаго увеселения в

¹ От греческого αἰών («эйон») – «век, вечность». Так В.К. Тредиаковский в 1752 г. определил стихи «на новый год / век».

новый год» и шуточные «Хоры. Для сего увеселения в тоже время» [4, Ч.2, с.100–101].

Часть 3-я «Игры Важной Полигимнии, Забавной Каллиопы и Нежной Эраты, или Занимательные часы для души и сердца относительно священных и других Дидактических песней с некоторыми Эротическими чертами и домашними жертвами чувствований» включает в себя семь новогодних стихотворений. Шесть из них расположены подряд друг за другом: «Глас новолетия к венценосной благодати», «Песнь нещастнаго на новый год к благодетелю», «К другу на его новый год», «На такой же случай. Апреля 22 дня», «Первый час года. К другу И...» (1789), «К русскому Лукуллу на тот же случай» [4, Ч.3, с.38–49]. Пожалуй, это еще не цикл, а конгломерат, составленный из различных жанровых подвидов посланий, обращенных к тому же к разным адресатам. Седьмое стихотворение «Раздраженный пастух на неверность Хлои в новый год» [4, Ч.3, с.182–184] открывает третий подраздел части – «Эротическая черта и им подобная».

Таким образом, из девяти посланий семь являются серьезными, дидактическими; два, обращенные к женщинам, можно отнести к «игровым», светским. По своим художественным достоинствам и своеобразием в разработке темы новолетия в особенности выделяются два произведения: «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига» и «Первый час года. К другу И<косову>».

* * *

Сперва определим то новое, что Бобров внес в русскую эоническую поэзию. Ближайшие его предшественники и старшие современники, например Г.Р. Державин и Е.И. Костров, предприняли попытку индивидуализировать образ Нового года и сюжетно организовать картину его полета / прихода. *Время* предстало в их стихах как божество, от которого зависят судьбы посюстороннего мира. Тем самым авторами 1780-х гг. был совершен переход от образности аллегорической и дидактической к образности *мифопоэтической*, почти уже не несущей в себе внелитературных задач (иносказания, поучения, аллюзии на современность и пр.) [см.: 5; 6; 7; 8]. Бобров делает следующий шаг, утверждая автономность Времени, и во многом исчерпывает открывшиеся перед поэзией XVIII в. возможности изображения того, что недоступно обычному взору, но открыто *зрению духовному: движения времени как сакрального действия*, происходящего в некоем космическом, потустороннем пространстве.

С развернутой мифопоэтической картины ухода Старого года и появления Нового начинается у

Боброва пять произведений; в двух изображаются полет одного только «юного» года и те «действия», которые он при этом совершает; в одном («Песнь несчастного...») эта картина редуцирована до образа «звука времени» в новогоднюю полночь; и, наконец, в одном рисуется Старый год. В целом «сюжет» смены одного года другим сводится к следующему: на дряхлых и седых крыльях Старый год возвращается в место упокоения прошедших годов и веков (в «бездну», «лоно вечности», «гроб»); из «бездны» во «вселенну» «низлетает» юный год; далее описываются его деяния. Обычно это священное и торжественное событие изображается Бобровым в двух-трех строфах; процитируем сжатый до одной строфы вариант из послания *Мордвиновой*:

Что слышу я? – седый крылами год махнул,
И перья дряхлыя сложа, вздремал, – уснул;
А юный гордый год возстав из вечной бездны
Летит в вселенну, – в твердь, – в пределы многозвездны;
И солнцев пламенный подносит ближе к нам,
Чтоб зиму разтопить, и жизнь дать сим странам.

В ряде стихотворений Бобровым художественно детализирован сам процесс смены персонажами-годами пространства: земного – небесным. Так, в «Гласе новолетия...» некая таинственная «длань» ночью открыла «кристальну дверь златых небес», за которой следит «небес привратник» – двуглавый Янус. В послании «На такой же случай...» юному году пришлось «перервать вечныя цепи», чтобы «съединиться» с «другими годами». Иногда поэт указывает на время, когда происходит смена лет: «двенадцать бьет», «час бил; – за ним отзвался новый», «Звукнул времени суровый / Металлический язык», «Час бил; – отверзся гроб пространный, / Где спящих ряд веков лежит».

Весьма выразителен Бобров в обрисовке «главных героев» своих поэтических видений – Старого и Нового годов. Их облик во многом списан с тех эмблематических образов божеств и сверхъестественных существ, обладавших властью над временем, которые содержались в популярных сборниках и энциклопедиях символов и эмблем [см.: 1; 2; 5; 6]. Поэт обращается к изображениям следующих мифических божеств: Феба-Аполлона; Сатурна; Смерти; Судьбы – «божества неперемного и непреодолимого»; «Времени вообще»; «служителя Божьего, или Ангела» [9, с. 28, 38, 41–42, 45].

Созданные фантазией Боброва образы Времени-года антропоморфны. У Старого года «седые власы», «лысое темя»; он хромает, вздыхает, дремлет, спит, может склонить колени; иногда

угрюмо точит лезвие косы; наделен даром речи. Портрет и характер Нового года очерчены более скупно. Основная «психологическая» его характеристика – гордость, свойственная юности. Обычно он несет с собой какой-либо (символический) предмет; здесь Бобров вновь обращается к традиционной эмблематике; таковы: солнечный факел («пламенник»); «жребии» во «мрачной урне»; «фиал желчи иль сластей»; стальная коса; железная стрела. Этими деталями в образе Нового года подчеркнуто роковое начало.

Часть описываемых действий Нового года относится к сфере небесной, космической, другая – к социуму и людям. Весьма примечательным, и полагаем, характерно бобровским является естественнонаучное представление функций Нового года и процесса движения времени. В двух посланиях («На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига» и «Песнь несчастного на новый год к благодетелю»), а также в ряде своих историко-софских стихотворений Бобров обращается к образам, навеянным ньютоновой механикой, – образам небесных «колес» времени [см.: 8; 10; 11].

Специфически бобровское восприятие праздника новолетия отражено еще в одном образе, неизвестном предшествующей традиции русских эонических стихов. Он встречается в пяти стихотворениях: «К покровительнице ... в новый год», «Песнь несчастного ...», «К другу на его новый год», «Первый час года ...», «Раздраженный пастух ...». Это образ Парок – трех сестер, «богинь над человеческой жизнью», «пиитического» изображения «божiego провидения в управлении жизни». В известной энциклопедии «Символы и эмблемы» [9, с.41], несколько раз переиздававшейся в России XVIII в., уже не делается различия между греческими богинями судьбы Мойрами и римскими Парками: под именем последних дается описание Мойр. У Боброва Парки имеют эпитет «суровы», они прядут «жизни нить» и перерезают ее ножницами. Этот образ появляется исключительно в новогодних пожеланиях. Обычно это благопожелания покровителям и друзьям в том, чтобы Парки пряли для них крепкую нить из дорогих и новых шелков.

В целом праздник Нового года вызывал Боброва на размышления далеко не праздничные. Однако сводить их только к мыслям о смерти и скоротечности жизни будет неверно. В связи с этим обратимся к тем новогодним настроениям и ожиданиям Боброва, которые выделяют его тексты среди эонических произведений других русских поэтов. Наиболее удобно это сделать, опираясь на

жанровую специфику посланий, определяемую, в частности, их адресатом.

* * *

Надо сказать, что значимым критерием классификации посланий Боброва является социально-классовый, что позволяет поставить проблему социологии поздравительных жанров. «Иерархия» посланий с этой точки зрения такова.

Адресатом «Гласа новолетия к венценосной благодати» является монарх, Павел I; обращается к нему самое меняющееся время – «новолетие». Текст этот открывает группу новогодних посланий третьей части «Рассвета полночи».

Три послания адресованы покровителям и меценатам: адмиралу Мордвинову и его жене, а также некоему Лукуллу (т.е. «богачу»).

Следующие затем три послания обращены к друзьям; одно – к некоему «эпикурейцу» У-ву; второе – к П.П. Икосову; третье, по всей видимости, к нему же, о чем свидетельствуют упоминание о стихотворной переписке и дата 22-е апреля (Икосов родился в апреле 1760 г.). Полагаем, что послание У-ву и апрельское «На такой же случай» на самом деле приурочены не к календарному новолетию (1 января), а к дню рождения адресатов – друзей Боброва, к их собственному новолетию. На это указывают необычные формулировки («К другу на его новый год»), приуроченность поздравления к апрельской дате, индивидуализированные благопожелания и др. Новогодняя топика, как оказалось, вполне подошла для другого праздничного «случая».

Послание «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига» адресовано, как мы думаем, «соратнику» Боброва – некоему новопосвященному масону. Единственное к нему обращение в стихотворении – «храбрый мой сподвижник». Значимость и выделенность этого текста подчеркнуты тем, что он открывает вторую часть «Рассвета полночи...».

Далее всех в третьей части отодвинуто «игровое», но, возможно, совсем не условное послание ревнивого пастуха к Хлое.

Жанровый подвид послания, определяемый его адресатом и соотносительностью с другими жанрами, обуславливает у Боброва специфику постановки темы новолетия и тональность стихотворения. Однако за «особенным» проглядывает и «общее»: психологические и эмоциональные «паттерны» – те устойчивые настроения и эмоции, которые приходят к поэту каждый раз под Новый год.

Послание – жанр с подчеркнута «случайным» содержанием, однако для одних «случаев» в литературе XVIII в. были выработаны поэтические формы и приемы, другие же оставались малорегламентированными. Иными словами, искать писательскую и человеческую индивидуальность Боброва следует в посланиях, наименее связанных условностями. И это – послания друзьям. Начнем же мы с тех произведений, где условности составляют основу жанра. Таковы тексты, написанные «по заказу» и/или приуроченные к стандартным «случаям» светской жизни.

«Глас новолетия к венценосной благодати» – послание, в котором синтезированы две традиции: секулярная (выражает ее жанр торжественной оды) и духовно-религиозная (с ней связаны духовная ода и переложение псалмов). С монархом Бобров связывает не столько само «новое счастье» и блаженство, сколько надежды на них [см.: 10; 12; 13]. Однако исполнителем этих надежд выступает Бог:

О Янус, – Полубог двуглавый,
Небес привратник! – отнеси
Сии надежды к трону славы,
Где внемлет их Бог небеси!
Неси курения сердечны!
Подвигни милость во Творце,
Да слава, сила, блага вечны
Отсвечивают нам в венце!

Другой род условности Боброву пришлось соблюсти в послании «К покровительнице общаго благороднаго увеселения в новый год». Для жены своего покровителя, устроительницы светских новогодних празднеств, поэту необходимо было придумать подходящие к случаю комплименты. Первый способ комплиментирования имел одическое прошлое и состоял в уверениях во всеобщем нелицемерном «восторге». Соединен он был со вторым, вполне традиционным способом – пожеланиями благ в продолжение всего года:

М...на! – час бил; – за ним отзвался новый;
За ним сто уст тебе открыть восторг готовы;
Но верь! – единое в них сердце говорит,
Единым пламенным желанием горит,
Чтоб с нежностью к тебе год новый усмеялся,
И тек бы в тишине, без бури окончался!
Не смел бы горьких слез из темной урны лить;
Не нагло Парка бы крушила жизни нить.

Общий смысл новогодних пожеланий в «Хорах» – в прикосновении играющих, хотя бы ненадолго, «по сценарию», к «райской» жизни.

Переходя к третьему – любовному – посланию («Раздраженный пастух на неверность Хлои в новый год»), отметим, что невозможно однозначно

утверждать, «игровое» оно или же отражает некие реальные переживания поэта. Это своего рода анти-пастораль на входящую в моду в литературе сентиментализма тему смерти от любви. Правда, обычным для подобных произведений сюжетным ходом было самоубийство чувствительного героя, здесь же находим (новогодние) пожелания смерти женскому персонажу. Рисуеться даже некая «идеальная» смерть «верной пастушки» в противоположность мучительной смерти изменщицы:

Твоя прекрасная подруга
Амелия без слез умрет;
Она любивши верно друга,
Пастушкой верной прослывет;
К ней смерть, – как тихий дух, предстанет;
Тебя ж тирански мучить станет. <...>

Что вызвало такую озлобленность у Боброва – неизвестно. Неизвестно также, почему типично песенную ситуацию неверности поэт приурочил к празднику Нового года. Художественным результатом стало уподобление женского непостоянства «пременам» времени:

Неверная! – иль ощущаешь
Огонь новый с новым годом ты?
Или прожить сей год ты чаешь,
Имея во главе мечты?

Сам Новый год в этом стихотворении довольно жутковат, и по внешнему своему виду, и по замышляемым деяниям: у него «мутные взоры» и «пламенные взгляды», он «точит сталь косы» и хочет наказать всех неверных Хлой разом, причем неожиданно для них, роковым образом («за уборными столами» или «между пуховиками»).

Полагаем, что за столь неожиданной интерпретацией нескольких жанровых традиций стоит мироощущение Боброва: ничего хорошего от будущего он не ожидает: смена лет влечет за собой и смену чувств.

Степень условности в выражении внутреннего мира поэта сокращается в его посланиях к покровителям и меценатам. Так, «К русскому Лукуллу на тот же случай» представляет собой вариацию на темы двух посланий Державина «соседям». От красочной державинской смеси эмблематической и конкретной образности Бобров оставляет мрачноватый парафраз:

А там – готовься гроб тесать,
Где перестанет Хрон суровый
Весенним причудам внимать;
Увы! – не станет в годы новы
Твоих Эротов грудь трепать.

Развернутым державинским размышлениям о «пременах» в судьбах людей, о смертной челове-

ческой природе и гражданских добродетелях как залого бессмертия Бобров противопоставляет «сезонную» метафору человеческой жизни с масонским, по-видимому, подтекстом:

Смотри! – как скоро пролетела
На крыльях розовых весна,
Когда твоя душа имела
На пищу нужны семена?
Не летоль ныне то бурливо,
Где опыт, – ум – и духа свет
Ведут с страстями сраженья живо?
Увы! – тотчас и то минет.

Это то самое новогоднее стихотворение Боброва, где нет... Нового года: Старый год лишь сделал передышку, чтобы перевернуть на своей голове крылатые песочные часы, и продолжил править «блестяще лезвее косы». В облике этого года поэт соединил черты самых ужасающих божеств: Сатурна, Смерти, Времени.

Наиболее примечательным в послании является завуалированное новогоднее пожелание: единственное, чего «бог веков» ожидает от Лукулла и что, видимо, может продлить жизнь последнему, это... покровительство искусству. Таким образом, некоему вельможе, забывшему о том, что поэтам нужно помогать, Бобров под видом праздничного поздравления напоминает, что Бог может и не дать Времени исправить эту ошибку.

Совсем другие интонации находим в «Песни несчастного на новый год к благодетелю». В сущности, это та же просьба о помощи, только выраженная в открытой и откровенно комплиментарной форме. Описав приход нового года, пожелав всем «земнородным племенам» «радость» и «сладость» в наступившем году, автор переходит к жалобам на свою несчастную судьбу. Основная их цель – вызвать в сердцах сострадание. Такой «муж» – состраждущий, кроткий и великий – находится. Некогда он внял «робкому гласу» лиры «несчастливого», который вновь «спешит» за помощью к своему благодетелю. Затем следуют благопожелания долгой ему жизни.

Поздравительных стихов и посланий к меценатам и покровителям XVIII век знает немало, и при этом личность автора проявлялась в них по-разному. Так, за образом лирического «я» посланий Боброва стоит человек, который находится в конфликте со временем, который ценит в себе поэта и знает, несмотря на свое малое умение видеть в жизни светлые стороны, что добро и величие совместимы в одном человеке.

* * *

Послания Боброва к друзьям углубляют наше представление о его авторской индивидуальности. Послания эти в особенности отмечены художественной новизной, а также сосредоточенностью на теме Времени [см.: 6; 8]. В них, кроме того, обнажены противоречия бобровского мироощущения, проявляющие себя, как правило, в столкновении контрастных эмоций и в парадоксальности новогодних пожеланий. Рисуемые Бобровым образы Старого и Нового года, смысл его благопожеланий и пр. с очевидностью свидетельствуют, что восприятие им Времени было почти трагичным. Как кажется, свойства его личности, способность к духовидению наложились на христианско-масонское восприятие времени (земная жизнь – пребывание во зле; напряженное ожидание смерти – перехода к жизни вечной и др.). Такое восприятие, конечно, трудно было увязывать с необходимостью праздничных поздравлений, и все-таки совмещать несовместимое приходилось. Характерно в этом отношении послание «К другу на его Новый год». Как уже отмечалось, это послание может быть связано с днем рождения или именин друга-адресата. Вместе с Новым годом из «бездн вечных дней» низлетает *его* (друга) год, и несет он фиал, наполненный то ли «желчью», то ли «сладостями». Мольбы Боброва адресованы Паркам, и просит он у них для друга жизни... не долгой, а достойной:

У...в! – не молю, чтоб в мире
Ты жил Мафусаилов век,
Но так, как рок велит, ты в мире
Прожил, как точный человек.

Затем Бобров выражает лично прочувствованное представление о том, как следует пройти земной путь:

Желать не много жить – безбожно,
И долго жить во зле – беда;
Жить несколько – во вкусе – должно;
Вот и довольно жить тогда!

Завершается стихотворение довольно неожиданно – эпикурейскими и анакреонтическими мотивами. Два других послания написаны *поэтом* и *для поэта*; тема времени в них соотнесена с темой поэзии, общие законы Времени – с судьбой друга-поэта. Послание «На такой же случай. Апрель 22 дня» (1797?) примечательно наличием в нем духовидческих образов. Бобров описывает небесный путь «юного года» и виденное на этом пути.

Как в пути скоротечном
Видев тайну небес,
Благоговел;

Видел истинно солнце
Сквозь пригробные узы,
Вострепетал;
Пал он к гробу немея,
Крылья вдоль протянул;
Крылья немели <...>.

Вместе с Новым годом поэт оказывается свидетелем величайшего таинства, скрытого от взора людей, – Христова Воскресения.

Таинственное, страшное и роковое сосредоточены в послании «Первый час года. К другу И<косову>» (1789). Здесь впервые в русской эонической поэзии находим устрашающий мифопоэтический мотив: «протекший год», одряхлевший и уставший от своей смертоносной «работы», удаляется на кладбище веков:

Час бил; – отверзся гроб пространный,
Где спящих ряд веков лежит;
Туда протекший год воззванный
На дряхлых крыльях летит;
Его туманы провождают,
И путь слезами омывают;
Коса во длани не блестит,
Но смертных кровью пресыщенна
И от костей их притупленна
Меж кипарисами висит.

В «юном годе», «исторгнувшемся» из бездны, подчеркнуто роковое начало. Проблематичным видится Боброву и ожидаемое «новое счастье» [см.: 14]. Новолетие в мире природы изображается посредством привычных, казалось бы, мотивов: смены сезонов, символики умирания / воскресения, «золотого века» [см.: 5]. Однако «золотой век» у Боброва... не наступает: у весны не хватает сил, чтобы победить зиму:

Весна усопшия красы
Разсыпать перед ним стремится,
И вместо вихрей вывесть тщится
Спокойны в Январе часы.

Затем новолетие относится к миру людей и рассматривается в религиозно-этическом ключе, сквозь призму смертности человеческой природы. Здесь у Боброва была целая череда предшественников: церковные проповедники, поэты-масоны, а ближайшим образом – Державин [см.: 15]. В духе стоицизма Бобров объявляет добродетель единственным спасительным средством, дающим человеку мужество спокойно встретить смерть – конец времени [см.: 10; 16]. Но далее в заданную традицией трактовку вносятся коррективы.

Во-первых, это малоприятная альтернатива, которую предлагает Бобров: либо воспринимать Время как неотвратимое движение к

смерти и наказанию и продолжать жить в «бедах», либо принять то, что все равно суждено, – «спокойную смерть».

Во-вторых, тема новолетия соотносится Бобровым с мотивами дружбы и творчества. Рассуждая о конечности и премежности всего на свете, поэты 2-й половины XVIII в. искали то, что могло бы помочь преодолеть страх смерти. Утешение они обычно находили в мыслях о бессмертии души, посмертном воздаянии и воскресении [см.: 15; 16]. Бобров, и в этом его расхождение с масонскими поэтами, апеллирует к чувствам и делам земным. Союз поэтов и друзей – вот что достойно быть исключенным из рокового порядка вещей, вот к чему неумолимые боги должны питать уважение. Свою просьбу автор облекает в форму новогодней молитвы, обращенной, правда, не к христианскому Богу, а к Фебу-Аполлону, покровителю искусств:

Когда же Парки уважают
Тобой боготворимых муз,
И ножиц острие смягчают,
Да не прервется наш союз;
Тогда скажу я возхищенный:
«О Феб, Латоною рожденный!
Еще дай новых нам годов,
Да мы продлим дни в дружбе нежной,
Доколе век наш безмятежной
Не осребрит на нас власов!»

Изначально трагическое видение темы времени в духовной литературе, впитав в себя секулярное понимание «нового счастья» и языческое (идущее от античности) жизнелюбие, обрело в послании 1789 г. глубину: с «темным гробом» для друга можно повременить, пока в душе человека и в самой жизни остаются светлые чувства и стороны. При этом место оптимистических и потому наивных новогодних поздравлений занимают более мудрые утешение и надежда.

Самым загадочным среди рассматриваемых текстов Боброва нам представляется «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига». Некоторые фрагменты в нем просто непонятны, например 8-я строфа или финальные строки. Не исключено, что отдельные стихи, скомбинированные особым образом, могут составить новый текст. Скажем, два последних незарифмованных стиха каждой строфы ощутимо самодостаточны, допускают возможность изъятия их из одного контекста и образования другого. В любом случае послание прочитывается как минимум двояко – непосвященными и посвященными. Мы видим два сокрытых в нем кода: 1) масонскую символику, 2) святоотеческую традицию. На их стыке ле-

жит восходящее к гностической традиции учение о душевных и телесных страстях, о врачевании души. Полагаем также, что в стихотворении отображены некоторые этапы обряда посвящения в масоны либо степени духовного роста (иерархии) члена ложи.

Интерпретацию скрытых смыслов послания оставим другим исследователям. Для нас же оно интересно как часть русской новогодней поэзии, т.е. тем, как решается в нём тема времени/новолетия. Прежде всего, это стихотворение о вселили Времени:

О! сколь необоримо время?
Сколь мощен всякий новый год?

По эмоциональности и мощи выражения этой темы в XVIII в. с Бобровым можно сопоставить только христианских проповедников. Но в отличие от них поэт предлагает интерпретацию более объёмную, обогащённую научным, историческим и политическим знанием, а также собственным духовно-мистическим опытом. Теме новолетия отданы первые пять строф послания. С каждым новым годом Время приближает к земле «космату комету», открытую десять веков назад. Здесь, на земле, Время изменяет очертания морей и материков, управляет стихиями. В мире людей Время играет «престолами», судьбами «царей» и «пастухов»: «из ничего – выводит нечто». Особому эмоциональному воздействию этой части послания способствует лейтмотив – вариации темы в заключительном незарифмованном стихе во 2–5-й строфах: «Так страшен времени полет!», «Так своенравен дней полет», «Так дней могуществен полет!», «Толь сильно время и природа!».

В последующих шести строфах поэт обращается к самому «вступающему в поприще», а тема новолетия получает неожиданное истолкование. Для описания жизненного пути нового «сподвижника» Бобров использует метафору «возраста»: рождение – «колыбель» – юность и зрелость – путь к некой «общей цели». Метафору эту можно понимать и иносказательно – как рассказ о смене статуса (переходе из «непосвященных» в «посвященные»). Путь после обретения тайного знания протекает под мудрым руководством «души учителя»:

Се первый зодчий и строитель
Ходяй, как в суше, среди вод,
Твой пастырь, – вождь, – души учитель
Простер к тебе в сей новый год
Сквозь внутренния вихрей брани
Свои пастушеския длани!
Он твой восток, – судьбы властитель;
Дай руку пастырю свою!..

Лейтмотивом этой части послания являются слова – предупреждение Иоанна Крестителя, обращенное им к некрещеным: «И се! – при корени секира!» (Матф. 3, 10; Лк. 3, 9). Святитель Иоанн Златоуст называет это выражение «ужасным»: тот, кто не радуется о своем спасении, подвергнется ничем неотвратимым бедствиям. Однако спасение зависит от нашей свободной воли: приговор еще не произнесен, еще можно исправить себя и сделаться способным «приносить плоды».

Таким образом, в «эзотерической» части послания поздравление с Новым годом обретает особый смысл. Это поздравление «вступающего в путь жизни и подвига» с новым – символическим – рождением (как члена масонской ложи), с обретением им, в борьбе с пагубными страстями души и тела, новой жизненной цели.

* * *

Жанр послания неслучайно был столь востребован в литературе сентиментализма и предромантизма. В определенном смысле он оказался антиподом жанра торжественной оды, восполнив присущий тому недостаток интимности и личной заинтересованности в поставленных вопросах. Если говорить о *новогоднем* послании, то указанные «восполнения» коснулись ожидаемых – теперь уже не социумом, а конкретными адресантом и адресатом – от новолетия изменений, а также самого ощущения Времени. Конечно, жанровая форма сама по себе изменить восприятие праздника не могла. Как и в случае с одой (имеем в виду Ломоносова), требовалось явление незаурядной поэтической индивидуальности, которая вложила бы в равнодушную, в общем, форму свое внутреннее – духовное, человеческое – содержание, подчинила бы ее своему персональному видению темы. Это содержание (внутренний мир Боброва) оказалось равнодействующей нескольких культурных традиций, переплавленных в экзальтированном воображении и в весьма специфической религиозности поэта. Для русской поэзии в целом это имело результатом рождение автора с собственным, узнаваемым художническим почерком.

Единством настроений отмечены все стихотворения Боброва, а не только его новогодние послания. И это единство не задано жанром, а проистекает изнутри поэта. Так, восприятие им Времени мистично и эсхатологично; при этом религиозное чувство находит выход не в одном лишь христианском смирении. Боброву видятся мифологические существа, и не самые приятные; его видения пронизаны предчувствием несчастий

и смертей; Вечность представляется ему как бездна или кладбище веков. Лишь там, где жанровая ситуация требовала праздничного видения, Бобров находил все-таки слова поздравления, более похожие, однако, на утешения. Необратимости потока Времени и неизбежности Смерти он противопоставлял надежду на снисходительность Высших сил и веру в свою избранность.

Опыт сотворения индивидуально-авторского лирического «я» несколько ранее Боброва проделал Державин. Однако если Державин примеривал на себя различные, но вполне традиционные литературные маски: придворного поэта, проро-

ка, Горация, Анакреонта, Аристиппа и пр., – то поэтическая маска Боброва, по-видимому, являлась и его лицом. Мало того, она была уникальной для русской поэзии XVIII – начала XIX в. Ее можно обозначить словами «поэт-духовидец» и «поэт-метафизик». В ряду русских «метафизических» поэтов Бобров занимает достойное место между В.К. Тредиаковским, М.В. Ломоносовым, Г.Р. Державиным и др., с одной стороны, В.К. Кюхельбекером, Ф.Н. Глинкой, Е.А. Боратынским, Ф.И. Тютчевым – с другой.

1. Петров, А.В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография. Магнитогорск, МаГУ, 2005. 272 с.
2. Петров, А.В. «Осьмнадцатое столетие» А.Н.Радищева: исторические открытия просветительского сознания // Филологические науки. 2004. № 2. С.21–30.
3. Петров, А.В. Один год из жизни русского дворянина: концепт «Время» в стихах И.М.Долгорукова на 1799 год // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: междунар. сб. науч. статей. Магнитогорск, МаГУ, 2012. Вып. IV. С.15–25.
4. Рассвет полночи или Созерцание славы, торжества и мудрости порфириносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва. Ч. 1–4. В Санктпетербурге: В типографии Ив. Глазунова, 1804.
5. Абрамзон, Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 48 с.: <http://cheloveknauka.com/poeticheskie-mifologii-xviii-veka>
6. Маслова, А.Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2013. 212 с.
7. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: моногр.; под ред. Т.В. Федосеевой. Рязань, РязГУ, 2012. 492 с.
8. Петров, А.В. Поэты и История: Очерки русской художественной историософии: XVIII век: Монография. Магнитогорск, МаГУ, 2010. 268 с.
9. Эмблемы и символы. М., Интрада, 2000. 368 с.
10. Петров, А.В. Духовидческие стихи С.С.Боброва на кончину императрицы Екатерины II // Libri Magistri. Выпуск 2. Русская поэзия в контексте мировой культуры. Магнитогорск, МГТУ, 2015. С.18–26.
11. Петров, А.В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-геологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX вв. // Вестник РГУ им. С.А.Есенина. 2011. № 3 (32). С.108–129.
12. Постникова, Е.Г. Миф о культурном герое нового времени и образ Петра I в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е.Салтыкова-Щедрина // Вестник ЧелГУ, 2010. Вып.40. № 4. С.144–151.
13. Постникова, Е.Г. Мифология власти и власть мифологии: М.Е.Салтыков-Щедрин – Ф.М.Достоевский: монография. Магнитогорск, 2009. 231 с.
14. Abramzon, T.E. Philosophy Of Happiness In Eighteenth-Century Russia // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conferences On Social Sciences And Arts Sgem 2015 Conference Proceedings. 2015. P.645–652.
15. Рудакова, С.В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е.А.Боратынского) // Церковь и время. 2013. № 3. С.205–220.
16. Рудакова, С.В. Мотив смерти в поэтическом мире Е.А.Боратынского // Вестник ЧелГУ. 2009. № 34. С.91–95.

POET-VISIONIST S.S.BOBROV AND HIS LETTERS ON THE NEW YEAR

© 2018 A.V. Petrov, E.G. Postnikova

Aleksey V. Petrov, Doctor of Philology of the Department of Language and Study of Literature. E-mail: alexpetrov72@mail.ru
Ekaterina G. Postnikova, Doctor of Philology of the Institute of Anthropology and Philology. E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Nosov Magnitogorsk State Technical University. Magnitogorsk, Russia

The article deals with the poetics and ideological content of nine New Year's verse epistles, written by S.S.Bobrov – one of the greatest Russian poets-predromantics between 1789 and 1804. The addressees of the letters are the monarch, the patron, the friend, the «associate», beloved / «shepherdess». The addressing of the letters has a great influ-

ence on the convention of poetic imagery degree. At the same time, the poet's mood on the New Year's Eve is quite stable and the «idea» of the New Year holiday is unchanged for him. Bobrov hardly knows how to see the bright side in the life, he is constantly in anticipation of death that is perceived as a transition to the eternal life, according to the Christian-Masonic spirit. Compared with his predecessors and contemporaries (in the 18th century almost all famous poets - no less than thirty-five authors created New Year's poems), Bobrov brings motifs of the mysterious, terrible and fatal to the theme of Time / the change of years. Drawing the image of the Old Year, the poet combines the archaic features, horrifying its appearance, deeds and attributes of deities and / or supernatural beings – Saturn, Death, Time / Chronos, Destiny. To Bobrov's spiritual sight the very movement / flight of Time opens - the sacred action taking place in some cosmic, otherworldly space. The Eternity is an abyss or a cemetery of centuries for him. His visions are imbued with a premonition of misery and death. The poet opposes the hope of the indulgence of the Higher Powers and the belief in his chosenness to the irreversibility of the Time flow and the inevitability of the Death. In general Bobrov's artistic individuality can be defined as a «poet-visionist». In Bobrov Russian literature finds the missing link between the «metaphysical» poets of classicism (V.K. Trediakovsky, M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin, A.N. Radishchev) and «metaphysical» poets of the Romantic era (V.K. Kukhelbeker, F.N. Glinka, E.A. Boratynsky, F.I. Tyutchev).

Keywords: S.S. Bobrov, the New Year (eonic) poetry, metaphysical poetry, a genre of a letter, preromanticism, visionary.

1. Petrov, A.V. Ody «na Novyj god», ili Otkrytie Vremeni. Stanovlenie hudozhestvennogo istorizma v russkoj poezii XVIII veka (The New Year Odes, or the Discovery of Time. Formation of art historicism in the Russian poetry of the XVIII century): Monografija. Magnitogorsk, MaGU, 2005. 272 s.
2. Petrov, A.V. «Os'mnadcatoe stoletie» A.N.Radishheva: istoricheskie otkrytija prosvetitel'skogo soznaniya («The Eighteenth Century» by A.N.Radishchev: Historical Discoveries of Enlightenment Consciousness). *Filologicheskie nauki*. 2004. № 2. S.21–30.
3. Petrov, A.V. Odin god iz zhizni russkogo dvorjanina: koncept «Vremja» v stihah I.M. Dolgorukova na 1799 god (One year from the life of the Russian nobleman: a concept "Time" in I.M. Dolgorukov's verses for 1799). *Hudozhestvennaja konceptosfera v proizvedenijah russkih pisatelej: mezhdunar. sb. nauch. statej*. Magnitogorsk, MaGU, 2012. Vyp. IV. S.15–25.
4. Rassvet polnochi ili Sozercanie slavy, torzhestva i mudrosti porfironosnyh, branonosnyh i mirnyh geniev Rossii s posledovaniem didakticheskikh, jeroticheskikh i drugih raznogo roda v stihah i proze opytov Semena Bobrova (Dawn of the Midnight...). Ch. 1–4. V Sanktpeterburge, V tipografii Iv. Glazunova, 1804.
5. Abramzon, T.E. Pojeticheskie mifologii XVIII veka (Poetic mythologies of the XVIII century): Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2007. 48 s.: <http://cheloveknauka.com/pojeticheskie-mifologii-xviii-veka>
6. Maslova, A.G. Pojetika vremeni i prostranstva v russkoj poezii 1760–1780-h godov (Poetics of Time and Space in the Russian poetry of the 1760-1780th). Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 212 s.
7. Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, jestetika, pojetika (Literature of the Russian preromanticism: worldview, esthetics, poetics): monogr.; pod red. T.V. Fedoseevoy. Rjazan', RjazGU, 2012. 492 s.
8. Petrov, A.V. Pojety i Istorija: Oчерki russkoj hudozhestvennoj istoriosofii: XVIII vek (Poets and History: Sketches of the Russian art historiosophy: XVIII century): Monografija. Magnitogorsk, MaGU, 2010. 268 s.
9. Jemblemy i simvolj (Emblems and symbols). M., Intrada, 2000. 368 s.
10. Petrov, A.V. Duhovidcheskie stihi S.S. Bobrova na konchinu imperatricy Ekateriny II (Visionary verses of S.S. Bobrov on Death of the Empress Catherine II). *Libri Magistri*. Vypusk 2. Russkaja poezija v kontekste mirovoj kul'tury. Magnitogorsk, MGTU, 2015. S.18–26.
11. Petrov, A.V. «Mif tvoreniya» v «metafizicheskikh» i «fiziko-teologicheskikh» stihotvorenijah russkih pojetov konca XVIII – nachala XIX vv. («A creation myth» in "metaphysical" and "physical and theological" poems of Russian poets of the end XVIII – the beginnings of XIX centuries»). *Vestnik RGU im. S.A. Esenina*. 2011. № 3 (32). S.108–129.
12. Postnikova, E.G. Mif o kul'turnom geroe novogo vremeni i obraz Petra I v «Pompadurah i pompadurshah» M.E.Saltykova-Shhedrina (The Myth about the Cultural Hero of Modern Times and an Image of Peter I in "Pompadours and pompadouresses" of M.E. Saltykov-Shchedrin). *Vestnik ChelGU*, 2010. Vyp.40. № 4. S.144–151.
13. Postnikova, E.G. Mifologija vlasti i vlast' mifologii: M.E.Saltykov-Shhedrin – F.M.Dostoevskij (Mythology of Power and Power of mythology: M.E.Saltykov-Shchedrin – F.M.Dostoyevsky): Monografija. Magnitogorsk, 2009. 231 s.
14. Abramzon, T.E. Philosophy Of Happiness In Eighteenth-Century Russia. *2nd International Multidisciplinary Scientific Conferences On Social Sciences And Arts Sgem 2015 Conference Proceedings*. 2015. P.645–652.
15. Rudakova, S.V. Mezh otchajaniem i veroj (ob jekzistencial'nyh i teodicejnyh motivah v tvorchestve E.A. Boratynskogo) (Between Despair and Belief (about existential and the teoditseynykh motives in E.A. Boratynsky's oeuvre). *Cerkov' i vremja*. 2013. № 3. S.205–220.
16. Rudakova, S.V. Motiv smerti v pojeticheskom mire E.A. Boratynskogo (Motive of Death in the Poetic World of E.A. Boratynsky). *Vestnik ChelGU*. 2009. № 34. S.91–95.